

Военная фантастика

Влад Савин

МОРСКОЙ ВОЛК

Морской волк

Поворот оверштаг

Восход Сатурна

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С13

Серия «ВФ-коллекция»

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

С13 Савин, Влад

Морской волк: Морской волк. Поворот оверштаг. Восход Сатурна: сборник / Влад Савин. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2017. — 880 с. — (ВФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-982495-4

Атомная подводная лодка К-119 «Воронеж», выйдя в поход в наше время, проваливается в 1942 год. И некуда возвращаться — нет больше базы, нет дома. Андреевский флаг, двуглавый орел на рубке, погоны у офицеров — примут ли их в сталинском СССР? Но нет сомнений, на чьей стороне вмешаться в войну, — ведь если немцы победят, русских не будет вообще.

Лето 1942 года — ничего еще не предreshено. И людям из 2012 года придется принять участие в боях, да и просто жить в мире, который они считали историей.

И в итоге выйдет совсем другая история и уже иной мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Влад Савин, 2017
© Борис Царегородцев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-982495-4

Автор благодарит за помощь: Станислава Сергеева, Сергея Павлова, Александра Бондаренко, Михаила Николаева, Романа Бурматнова, и читателей форумов ЛитОстровок и Самиздат, под никами Andy18ДПЛ, Андрей_M11, Комбат Найтов (Night), Дмитрий Полковников (Shelsoft), Superkashalot, Борис Каминский, Михаил Маришин, Тунгус, Сармат, Скиф, StAl, bego, Gust, StG, Old_Kaa, DustyFox, omikron и других — без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Морской волк

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Позвольте представиться — капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович. В настоящий момент волею Господа Бога и Верховного главнокомандующего командир атомной подводной лодки К-119 «Воронеж». Потомственный морской офицер и полный тезка того самого адмирала, который Антарктиду открыл. Батя у меня в отставку капитаном вышел, а я мечтаю все же помереть адмиралом — тут надо бы дополнить: в преклонных годах, на покое, окруженный многочисленными внуками. Контр-адмирала, положим, я имею все шансы получить лет через пять. И жить хочется, конечно, подольше. А вот с внуками, боюсь, выйдет промашка.

С жизненным путем все у меня было просто и ясно. Жили мы тогда еще в Ленинграде — никак не могу привыкнуть к тому, что Собчак вернул городу его имперское имя — на Васильевском острове. Морской корпус, сиречь училище Фрунзе — через два квартала, и стены там досками мемориальными увешаны: кто здесь учился и чем потом Россию прославил. Крузенштерн бронзовый напротив стоит. И корабли на Неве. В день флота мы с батей на морской парад каждый год ходили, это было свято! Ну и конечно, brave ребята в форменках каждое воскресенье улицы, именуемые «линиями», заполняли. А фрунзенцы в увольнении — предмет зависти всех мальчишек и мечта девчонок.

Родился я в семидесятом, и через две недели мой сорок второй день рождения, который я имею все шансы встретить в море, а не на берегу за праздничным столом. В Бога не верю, считаю, что главное — не грешить, жить по чести, и тогда, если тот свет есть, там по справедливости рассудят. А вот бабка у меня верующая была, от нее и перешли ко мне незаметно всякие слова библейские.

Поступил я все-таки не во Фрунзенку, а в подплав имени Ленкома. Семьи у меня нет. В увольнение с девушками — это святое, тем более что внешность у меня примечательная: глаза голубые, а волосы иссиня-

черные. С одной, красивой самой, всерьез намечалось, уже семьями обговаривали, когда распишемся. Лето девяносто первого, последнее безоблачное, когда будущее еще казалось мне радужным и прекрасным, как обложка журнала «Техника — молодежи». Где-то был Карабах, Месхетия, на просторах Союза люди уже резали друг друга за веру, — а мы с Ирочкой гуляли, обнявшись, белыми ночами, смотрели на разведенные над Невой мосты, целовались — и нам было запредельно хорошо.

А в сентябре она уехала с каким-то шведом. Вот так: «Знакомьтесь, это Ингвар, мой... в общем, ясно, обойдемся без диких сцен, мы же культурные люди. Ты меня пойми, любовь любовью, но я устала от нашего хамства, очередей, дефицита, бескультурья и хочу в цивилизованном мире пожить, пока красива и молода!» Года через три прислала письмо из Стокгольма, рассказала, как хорошо живет: за ребенком смотреть — приходит няня, жильё убирать — приходит домработница, обедать — ходят в очень милый ресторанчик; короче говоря, ничего делать не надо, лишь бы быть при муже. Что любопытно, швед на фото с ней был уже другой. Ну, Бог ей судья!

И я уехал на Север. Служил, исправно тянул лямку. В годы правления «царя Бориса», сиречь Борьки-козла, народ разбежался с флота со страшной силой. А я остался. Наверное, потому, что некуда мне было идти. Коммерция, бизнес — ну не мое это, не умею! Служил пока служитя. И поскольку людей на должностях не хватало — а кому-то надо и корабли в море водить! — делал карьеру.

Пять месяцев назад вступил в командование «Воронежем». До того был командиром одной из лодок типа «Барс», проект 971, которую уже полгода как списали. Мой новый корабль — три выхода на сдаточные после ремонта — и, наконец, в море! Нет, сама лодка, проект 949А, кто понимает, уже восемнадцать лет как в строю — просто только из капремонта, три года у стенки стояла. Полностью заменили ГАК (гидроакустический комплекс) на новейший, последней разработки, также поставили абсолютно новые БИУС, навигационный комплекс, противоторпедную защиту «Пакет-П»; сменили активную зону в реакторе и добавили еще много всего по мелочи, хотя мелочей на ПЛ не бывает. В общем, сделали из старой лодки просто великолепиие, но вот экипаж... Так как корабль только с завода — экипаж, по сути, формировали заново, поэтому набрали очень много новичков, были и такие, кто в автономку на большой срок не ходил вообще! О сплаванности, сработанности меж собой — вообще молчу: команда на моей «Щуке» прежней в сравнении с ними день и ночь! Всего же у меня четыре дальних, да раз пять ходил поблизости — и все. Итого — из двадцати четырех лет моей службы (считая училище) два с половиной года в море. А этого мало.

Хорошо хоть, комсостав удалось собрать — лучших, ссылаясь на важность задания. Старпом, «первый после Бога и командира», капитан второго ранга Золотарев Иван Петрович, или просто Петрович, один из троих из моего прежнего экипажа, кого я взял с собой. Это наш последний поход вместе: ему уже обещано собственное командирство. Еще из моей «старой гвардии» — штурман (командир БЧ-1), капитан третьего ранга Головин Александр Александрович, для своих Сан Саныч, я с ним уже пятый год. И самый лучший снабженец на флоте — Сидорчук Богдан Михайлович, всего лишь старший мичман, но как раз такой, про которого, помните, в фильме советском адмирал говорит: «За такого снабженца я двух командиров БЧ отдам, не раздумывая, да еще коньяк поставлю дураку командиру, который мне столь ценный кадр уступит».

Из офицеров только один мне незнаком: переведенный из штаба флота на должность зама по воспитательной работе капитан второго ранга Елезаров Валентин Григорьевич, после этого похода ему пообещали с повышением в отставку. Самый старший по возрасту из экипажа — не знаю, как он выдержит этот поход, последний раз он на лодке был лет двадцать назад. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище еще при Горбаче, в девятносто первом уже стал капитан-лейтенантом, а после развала СССР уволился — сам говорит, что по политическим мотивам, как несогласный с политикой правительства. Ага, все уволенные в те годы так говорят — и кого по несоответствию выгнали, и кто в коммерцию сбежал! Замполит наш (мне так привычнее эту должность называть) был из вторых. Вроде неплохо начал, а после... Капитализм — это джунгли: если не ты съел, так тебя! В общем, прогорел — спасибо еще, что живой — и опять пошел на флот через каких-то знакомых при штабе, где и служил, приобретя прозвище Комиссар. А теперь ему плавстаж понадобился, перед увольнением, и не нашли, куда еще его засунуть, кроме как не к нам! Успел уже у нас получить прозвище, когда его рядом нет, «затычка в заднице». С ним будет тяжело в походе, это не Петрович или другой из офицеров.

Еще к нам перед самым выходом в море зачем-то прикомандировали девятых подводных диверсантов, да еще с полным техническим обеспечением, под командой коренного мурманчанина, капитана третьего ранга Большакова Андрея Витальевича. Что они собираются на Средиземном море делать, я не в курсе. У них свой приказ. И он будет зависеть от конкретной обстановки. Может, нашим адмиралам не дает спокойно спать слава князя Боргезе.

Перед походом провели учения, на которых нас гоняли наши противолодочники, изображая корабли охранения авианосной группы. А нам

предстояло прорваться как можно ближе к изображающему американца «Кузнецову» — чтобы в реале был шанс, если наши ракеты не успеют перехватить. Наверху четыре БПК плюс самолеты и вертолеты с «Кузнецова», а у нас, сами понимаете, какая лодка, это вам не «Лада», которую натовцы прозвали «черной дырой», — железнодорожный вокзал, погруженный под воду. Ежу понятно, что нас слышно за сто миль, но и мы не лыком шиты. Трое суток мы пытались прорваться к условному противнику, а нам мешали — все было как в реале, кроме, естественно, боевой стрельбы. В итоге мы заработали оценку «хорошо» — хотя, я думаю, ее нам поставили авансом. Но все же на 120 миль нам удалось подойти незаметно. Короткая стоянка в базе, пополнение всех припасов — и вот наш поход начался!

План наших действий в вариантах был обсужден заранее. Или сразу на север подо льды, посидеть несколько дней там, пока окно в космосе на пару часов закроется, выскочить между Шпицом и Гренландией — и потихонечку-полегонечку на юг к Гибралтару. Или внаглую сразу на запад, вдоль Норвегии, между Англией и Исландией выходим в Атлантику. Так быстрее, но там нас сосусовская система засечет, цепь датчиков, которую амеры через океан протянули, — значит, горячий прием обеспечен! Окончательный выбор пока еще не был сделан — мы беседовали с Петровичем, когда штурман объявил:

— Тащ командир, подходим к точке погружения! Завершайте — наверху!

— Все вниз, погружение! — объявляю я.

Пока все идет точно по плану*.

* В реальности управление подводной лодкой намного сложнее. Одной команды и поворота штурвала недостаточно — например, при погружении уставная последовательность действий:

Командир отдает приказ: «ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ, К ПОГРУЖЕНИЮ».

Вахтенные отсеков осушают трюмы, выгородки, продувают баллоны галюнов. С разрешения вахтенного офицера вентилируются подводная лодка и аккумуляторная батарея. Докладывают командиру об исполнении.

Приняв доклады, командир отдает следующий приказ: «ВСЕ ВНИЗ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОГРУЖЕНИЮ».

Личный состав занимает места согласно расписанию по боевой тревоге. Командиры отсеков докладывают: «В таком-то отсеке стоят по местам к погружению. Присутствуют все». Выслушав доклады, командир приказывает: «ОТВАЛИТЬ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РУЛИ» (на многих ПЛ в надводном положении горизонтальные рули, по крайней мере носовые, убираются в надстройку, во избежание их повреждения волнами).

Рули выдвигаются в рабочее положение. Доклад командиру. Его следующая команда, передаваемая по общекорабельной трансляции: «ЗАДРАЙТЬ ВЕРХНИЙ РУБОЧНЫЙ ЛЮК».

Атлантика возле побережья США. Подводная лодка U-215. 3 июля 1942 года

«Ну до чего же хорошо так воевать... — размышлял штурман Эдгар Херманн, разглядывая спокойный океан, блестящий в лучах солнца. — Шарим тут, как лиса в курятнике! И хоть бы одна собака нас заметила и прогнала».

Но Херманн был неправ. Довольно далеко, на трехкилометровой высоте, прошла летающая патрульная лодка, с которой заметили на поверхности моря длинный продолговатый предмет. Но так как горючее было на исходе, летчики лишь передали на базу координаты. И после информация кочевала по линиям связи из одного штаба в другой, пока решали, кого именно направить в тот район. Летом сорок второго противолодочная оборона флота США еще не была организована так, как станет всего через год, и очень много времени уходило на всякого рода согласования. Так что у немцев, до появления противолодочных сил, было еще достаточно времени, чтобы уйти, даже не заметив, что их обнаружили.

Но судьба распорядилась иначе, и в этот промежуток времени случилось очень много всего.

Херманн этого не знал. И самолета не заметил. Оттого продолжал благостно размышлять: «Нет, все ж хорошо воевать с таким командующим, как наш “папа” Дёниц! Бережет корабли и людей. Ведь что есть субмарина на море? Не солдат, который идет в атаку на пулемет или сидит в траншее, ожидая танков, — а партизан, диверсант, нападающий там, где его не ждут, и потому наносящий противнику большие потери при минимальных своих. Стало тяжело вблизи Британии — “папа”

Причем перед закрыванием люка командир лично осматривает ограждение выдвижных устройств и трижды оповещает о погружении. Герметизируются отсеки, система вентиляции переводится по замкнутому циклу. Передвижение личного состава по лодке прекращается, КП и БП переходят на таблицы подводного хода. Прием докладов командиром, его следующая команда: «ПРИНЯТЬ ГЛАВНЫЙ БАЛЛАСТ, КРОМЕ СРЕДНЕЙ».

Командир электромеханической боевой части подает команды об открытии (закрытии) кингстонов, аварийных захлопок (вторых запоров) и клапанов вентиляции с последующим докладом командиру подводной лодки о приеме балласта.

Аналогичным образом происходят все прочие маневры ПЛ. Но так как читателям-подводникам все это знакомо, а прочим читателям покажется неинтересным и однообразным (интересующиеся же могут сами найти Корабельный Устав, где все расписано подробно), то в дальнейшем подобные процедуры в тексте будут опускаться, подразумеваясь неявно. — В. С.

оперативно перебросил нас к Америке, где эти тупые янки словно не знали, что наш фюрер, вообще-то, объявил им войну!»

Казалось, вернулось жирное время, лето сорокового! Горели маяки, все навигационные огни, и транспорты шли без всякой охраны, с положенными огнями ночью! Никакой ПЛО не было в природе. Можно было даже высадиться на берег, посидеть в ресторане, сходить в кино, снять девочку и под утро вернуться на подлодку сытым и довольным! Некоторые парни нагтели настолько, что ходили на берег в форме кригсмарине со всеми регалиями. И сорили долларами, которые совсем нетрудно было достать в оккупированной Франции на черном рынке*. А потом — топили суда этих кроликов-янки. Часто работали артиллерией, жалея торпеды. Делали в тех водах, что хотели. Нет, до чего же славно быть доблестными героями кригсмарине! Время пройдет — и о нас легенды будут слагать, о «белокурых рыцарях морей».

Боже, помилуй! Шкипер, не сдрейфь!
Да перископ след не выдай!
Нас одарили: скоростью — верфь,
И торпеды — победой.
Боже, пошли нам британский конвой,
Дабы сработать на славу:
Орден «с дубовыми» в боевой
Рубке сверкает по праву.
Крутит винты рурский мотор
С рокотом чертовых мельниц.
К дьяволу фюрера! Наш командор —
Морем просоленный Дёниц.
Мы не потоплены. Что нам до них,
Пышно сидящих в Берлине?
Капитуляция?! Teufel fur dich!
Мы на родной субмарине!
Мы будем драться, пока соляр
Плещется в наших цистернах,
Покуда команду не душит угар,
Покуда винты без каверны.
Лишь бы удача не встала спиной,
Да скрыла б наш след пучина...
Боже! Пошли нам британский конвой —
И охрани кригсмарине.

* Это было! Когда одну из потопленных у восточного берега США подлодок подняли, в карманах мертвых немцев нашли оплаченные счета ресторанов и использованные билеты в кино. Уже после этого какой-то ушлый репортер, где-то добыв форму офицера кригсмарине, целый день ходил по Норфолку, главной базе ВМФ США, причем громко говорил по-немецки. Никто его не остановил.

Нет, сейчас стало хуже. Огни погасили, стали все чаще встречаться противолодочные самолеты и корабли. Правда, самолеты обычно были безоружны и могли лишь сообщить об обнаруженной лодке, а корабли часто представляли собой наспех вооруженные траулеры и даже яхты, ну а взаимодействие и организация этих «сил» вызывала лишь ухмылку «волков» Дёница, уже знакомых с беспощадной травлей в английских водах. Но все же это было что-то — и вспоминалось, что близ Британии в сороковом поначалу было так же.

А, к дьяволу, что будет после — плевать! Хорошее есть сейчас! Неделю назад остановили в море яхту, на которой путешествовал какой-то богатый янки, считающий, что война не для него! С ним были его жена с дочкой и трое матросов. Ну, последних сразу пристрелили, затем и хозяина, убедившись в его бесполезности. Что ценного может знать торгош, разбогатевший на продаже автомобильных шин? А вот с женщинами развлеклись всей командой! Дочка, светловолосая и пухленькая, была совсем как немка, да и мамаша еще не старая, вполне ничего. Парни даже хотели взять их в Сен-Назер, но командир, капитан-лейтенант Хекнер, решительно воспротивился. Женщина на корабле — к несчастью! Погуляли, и хватит! Хорошего понемножку. А нашим леди пора домой.

Что ж, воля командира — ордунг! Женщин галантно вывели на палубу, затем закрыли люки и погрузились. До берега было миль пятнадцать, как сейчас. Интересно, дамы утопили сами, или их съели акулы по пути? А яхту, кстати, не топили — так и оставили плыть пустой. Говорят, у этих вод, отсюда и до Бермуд, дурная слава, исчезают люди и корабли — ну так мы прибавим к легендам еще одну, когда яхту найдут, вот будут гадать газетчики!

Ленивые и приятные размышления штурмана были прерваны воплем из рубочного люка:

— Шум винтов с левого борта, совсем близко! Подводная лодка!

— Наши, что ли? — недовольно спросил Хекнер, стоящий рядом с Херманном. — Или нам повезло встретить лодку янки, у них они вообще есть?

И тут что-то огромное ударило лодку снизу. Херманн вылетел через ограждение в воду, головой вперед. Хекнеру повезло меньше: он с размаху ударился виском о край ограждения. Внизу, в центральном посту, старший помощник орал, отдавая команды. Прочный корпус лодки был цел, но легкий распорол почти на четверть длины, вскрыв ЦГБ средней и кормовой группы. Корма лодки ушла под воду, и вода хлынула с палубы в открытый люк в дизельном отсеке — по инструкции этот